

для детей, родившихся на острове, существует уже только авторитет родителей, и история человечества тут только и начинается! Но Марин Преда, по-видимому, не исходит из какой-нибудь четкой идейной позиции. К тому же Преда ограничивается только предосторигией цивилизации, поэтому его «новое» человеческое общество на необитаемом острове лишь повторяет старую библейскую модель. Хотел автор прийти именно к такому результату? Еще один вопрос, оставленный автором без ответа.

И все же новый роман Марина Преда — заметное и оригинальное явление в современной румынской литературе. В книге немало недостатков. И герой ее полон несовершенств и противоречий. Он излишне глубокомыслен и открывает уже давно открытые Америки. Он полон суевости и ложной многозначительности. Тем не менее Кэлин Сурупэчану выгодно отличается от картонных героев, изрекающих прописные истины, созданных по заказу дня. Ему чужда монотонность одной краски. Главное, что привлекает нас в романе Марина Преда, это то, что он изображает судьбы своих современников в их реальной сложности.

И. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

ИТОГ СТРАДАНИЙ

Norman Lewis. Every Man's Brother. London, Heinemann, 1967.

Желтый роман Нормана Льюиса был в определенном смысле неожиданным. Прежде всего, это психологический роман — здесь нет бурных исторических событий, составивших содержание предыдущих книг этого признанного мастера антиколониалистского романа. И во-вторых, с дальних рубежей (Алжир, Бирма, Вьетнам, Гватемала — можно назвать немало стран мира, разбирая географию творчества Льюиса) действие переносится домой, в Англию, точнее — южный Уэльс, а для Льюиса это самый настоящий дом, поскольку он валлиец.

Сначала об эпиграфе. Льюис открыл роман цитатой из Библии: «Я взыщу... душу человека от руки человека, от руки брата его». Тут важно восстановить контекст: дается наставление Ною и его семейству. Библейский мир тесен, люди — братья, они — Ноево потомство, его кровь. В названии романа Льюис вынес слова из второй части фразы, сделав упор на идее братства людей, а не возмездия. «Человек — брат» — так называется роман Льюиса, и разговор в нем идет совсем не о братстве по крови. Показывая родных братьев чужими людьми, писатель тревожится о большем — о распадающемся братстве людей на земле. Скажут — это не ново. Однако романы пишутся не для внесения разнообразия в литературу, а чтобы выразить сегодняшний день, и если он похож на вчерашний — об этом нужно писать немедленно и с тревогой.

Пять лет провел в тюрьме Брон Оуэн, главный герой романа. Мать умерла, и, получив по завещанию все наследство, брат распродал имущество и переехал на новое место. Прежде Кросс-Хэндз был шахтерским поселком. Земля истощилась, шахты стоят брошенные, и скромную индустрию района представляет только металлургический заводик. Ландшафтные зарисовки Льюиса конкретны и осязаемы, как макет. Писатель по ходу делает социологические наблюдения, дает этнографические приметы, и под опытной рукой встает по-очерковому резкая и точная картина жизни этого края. Суровый, каторжный труд накладывает свой отпечаток на духовную атмосферу этого валлийского захолустья.

Обыватели томятся скукой, живут сплетнями. Религиозный фанатизм, ханжество принимают дикие формы. Люди хмуры, замкнуты в себе, «живут здесь, как в аквариуме».

Итак, вот она, воля, вот воздух свободы, который жадно вдыхает Брон в первые дни после заключения. Брат хочет взять его в компаньоны — Ивену нужен постоянный и верный работник. И свободный Брон идет в рабство, хотя рядом с ним — живые предостережения. Затворническая жизнь на ферме, постоянный страх перед нищетой, перед лишениями, которые не уступят библейскому потоку, до неизвестности изменили когда-то жизнерадостную Кэти, жену Ивена. Не устоял и Ивен: он надорвался, у него большое сердце, «он держится на одном энтузиазме».

Поразительно несхожи характеры братьев. Ивен — замкнутый человек, вечный неудачник, с болезненным удовлетворением Иова принимающий удары судьбы. В его фанатическом трудолюбии меньше всего любви к труду: это воляволь покорность. Любовь к Кэти немного размягчила его характер, очеловечила, «он стал беззащитен», а потеряв любовь, он сломится сразу. От самоуверенства его удерживает только стремление отомстить Брону и Кэти, и он скрывается без следа, подставив брата под обвинение в убийстве.

Брон — открытая, привязчивая душа. Он ищет общения, дружбы, любви. Он и работает красиво, заразительно. Сочувствие к слабым, готовность помочь, доверчивость — с этими качествами героя читатель знакомится по записям врача, и, право, это горькая ирония, что естественным и здоровым человеческим побуждениям нашлось место в «истории болезни».

Заблевание Брона, ставшее причиной его первой тюрьмы, расписано подробно, что обнаруживает завидную осведомленность Н. Льюиса в вопросах новейшей психотерапии. Болезнь овладевает Броном на краткое время, приступами, за которыми следует полное забвение всего, что совершалось в эти минуты. В этот провал памяти читателю дано заглянуть. Идет поток сознания (определение неточное, поскольку сознание-то именно и отключено) — большой бредит, и у бреда есть своя логика: «Я —

это только я. Мой мир — это мой мир. Вокруг меня ничего не существует». Одиночество, отчужденное существование, отмена объективного мира поданы как острая форма душевного заболевания. Для обитателей Кросс-Хэндза это — нормальная жизнь. А жизнь Брона, сознательная и главная ее часть, отдана попыткам по-братски сойтись с людьми.

«Колебательная» природа героя делает его фигурой неуместной — и на воле (припадки), и в клинике, среди больных тяжело и неизлечимо. Но всего неуместней он, конечно, в тюрьме. Преступник или душевнобольной? — этот вопрос основательно дебатировался на страницах романа, и, конечно, он отражает реальное положение дел. В Англии половину больных мест занимают душевнобольные. Одновременно растет преступность. И невольно эти явления связываются. Доктор Даллас, например, представляет новейшую школу судебной психиатрии, отстаивая принципиальную невиновность Брона и подобных ему «преступников», а оппонентом его выступает некий последователь Ч. Ломброзо, видящий потенциального преступника чуть не в каждом человеке. Но только тюрьма и больница, хочет сказать своим романом Льюис, проблемы не решают. Оздоровить общество сможет лишь основательная социальная терапия.

Даллас борется за Брона самоотверженно. Он увидел в нем человека настоящего, полноценного, привязался к нему, как к брату, и всеми правдами и неправдами спасает от вторичной тюрьмы, как прежде спасал от недуга. Полиция считает Брона убийцей, что ж, Даллас убеждает полицию, что его пациент был невменяем.

И страшное дело: Брон почти хочет в тюрьму, как некогда шли в нее задавленные безработицей люди. В тюрьме лучше, в тюрьме ясно, чего от тебя ожидают и чего ты можешь ожидать. Там есть братство людей — по несчастью, и даже по нему, по такому Брон теперь тоскует. Образ Брона проходит в сопровождении лирической интонации, совсем не частой у Льюиса-скептика, и это закономерно: испытывается и защищается тезис «люди — братья».

Итак, злой сарказм, суровый приговор: миру предательства, патологической злобы, мстительных махинаций отказано в реальности, в существовании. И наоборот, торжествует и закрепляется как реальное политическая гипотеза братоубийства.

Преступность, безумие коренятся в смрадных условиях кросс-хэндзского захолустья, в каторжном существовании его обитателей, и предупредить их практически невозможно. Зыбкий мир окружает героя, и, показывая чистоту души Брона, его бескомпромиссную верность подлинным ценностям жизни. Льюис, пожалуй, как никогда близко подошел к созданию положительного героя.

Брона спасает неожиданное обстоятельство: обнаружен труп недавно умершего Ивена, при нем записка, объясняющая его исчезновение мезью Брону и Кэти. Брона скоро выпустят. Но герой стоит перед во-

просом не легче гамлетовского: вести ли спокойное существование в клинике, «уйти в монастырь» (его слова) — или жить «в миру» и, стало быть, опять столкнуться с его ужасающей реальностью? Брон выбирает последнее. Чем-то кончится его второе «освобождение»? Ясно одно: он будет свидетельствовать о неблагоприятии в обществе и примером собственной жизни восстанавливать идею братства людей. Итог отрядный.

В. ХАРИТОНОВ

ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК СОЦИАЛИЗМА В США

E. Bellamy. Looking Backward. 2000—1887. Harvard, 1967.

Кажется, прошло то время, когда научный социализм в Америке «ниспровергался» с помощью откровенно грубых приемов как теория «иностранный», «заговорщическая» и т. п. Сегодня противники марксизма — это показал и прошедший юбилейный год — действуют тоньше, не столь прямолинейно. Общим местом буржуазных идеологов в США стали рассуждения о том, что идеи Маркса «устарели» или просто не соответствуют американским условиям, что принцип коллективизма не способен выдержать конкуренции с «глубоко национальной» психологией индивидуализма и частной инициативы.

В свое время Дэниел Белл, один из авторов пухлого труда «Социализм в США», рассуждал о том, что «американское общество в середине XX века развивалось в направлении, полностью противоположном тому, которое было предсказано марксистской социологией». Этот тезис повторялся в статьях, которыми — что само по себе весьма симптоматично — откликнулись на 150-летие со дня рождения великого революционера отдельные буржуазные издания. Так, пафос редакционной статьи журнала «Сэтердей ревью» (25 мая 1968 г.) «Маркс в ретроспективном плане» состоял в доказательстве того, что марксистские идеи потеряли свою действительность в силу коренных изменений в американском обществе: классовая структура «претерпела революционные изменения», классовая борьба затухла, и две системы «движутся навстречу друг другу». Марксизм, если верить авторам этой и других статей, продемонстрировал свою «несовместимость» с американскими традициями. Но как же тогда быть с фактами безусловного воздействия марксистских идей на американскую культуру, чем объяснить живую, восходящую еще к прошлому столетию социалистическую традицию в американской литературе? Нельзя сказать, чтобы о ней умалчивали. В последнее время, когда тревожный вопрос «Куда идет

СРЕДИ КНИГ